

ПАРИЖАНКА

А она сказала – я в таком сарае жить не буду. И уехала в свой Сан-Франциско. Дура. А дом классный просто, с камином там, как положено. Спальни, гостиная, обои даже.

Она его вообще конюхом называла. Сами-то голубых кровей, ага. Папенька ихний в Париже вырос, и доктором писался. Доктор Гленн, Париж, штат Миссури. Ну и черт с ней. Элла Как-ее-там.

Такой хороший дом, двухэтажный. И сейчас стоит. Купите?

Френч к отцу ее нанялся, в Калифорнии еще. Там он в нее и врезался. Он коротышка был, метр с кепкой. Дрался все время, из-за роста. И он в нее упал, понимаете? Crushed on her. Она была для него.

Он вообще из латинос каких-то был. Баскский голодранец. Вакеро. Лошадей элкиному папану объезживал. Папа там на бирже дела крутил, а Френч дочурке клинья подбивал. Ну и лошадки, по ходу. В Ясинто они все жили, не в Сан-Франциско, я спутала.

А в Орегоне землю тогда давали. Ну, как землю... Колючки, да пыль, да камни. Sagebrush. Дорог мало. Зимы страшные. Вода как нефть примерно, по стоимости. Да индейцы еще, до кучи. Пайюты.

Так что доктор Гленн, как тот царь, ссудил бойца капустой и отослал новые земли осваивать. Какой там доктор, махинатор он был знаменитый. Нюх у него на бабки был, это да.

А Френчу только дай, – коротышка же. Поехал. Земля! И как-то пошло у него дело, помалу вроде, но быстро. И он, знаете, стал самым в тех краях крупным землевладельцем. Там ведь дикие лошади были. А он лошадиное слово знал. И вакерос были у него баски все тоже, чистопородные.

Заботился об них Френч хорошо. Повара привез китайского. Бараки построил. Даже летами бордель для них устраивал выездной, высокогорный.

А Гленн муру какую-то в Калифорнии развел. В политику пустился. Бабосов он к тому времени наделал совсем уж немерено, захотелось власти. Хотя даже и в том веке известно было, чем игры в ходорковских кончаются. В подходящий момент из кустов вышел гражданин по имени Миллер, поправил кепку и хлопнул бату.

Френч тут же в город подметнулся. А она вся такая трепетная, – согласилась. Френч фартовый был, женщины это чувствуют. И город он для нее свой построил – FrenchGlen. Без всяких там докторов.

Он другой раз заборы свои проводил даже и на государевы земли. Увлечется, бывало, ну и прихватит. А то еще люди для него наделы земельные брали – а он потом выкупал. Тогда закон был – живешь на земле, обрабатываешь – запиши за собой. Homestead claim называется.

А потом насчет болот закон вышел. По \$1.25 за акр болота. Кому?

Ну и Френч, он в одно лето дамбы поставил, подболотил где надо, а на другой

год выкупил, по рушь двадцать пять. Все по-честному! Это у них деловое чутье называется, и способности к бизнесу. Дамбы потом снес конечно.

А ей он дворец хотел построить, с цветниками и газонами. И построил.

Да крыса она, сразу ясно.

– What a shack! – и назад в свою Калифорнию отвалила. А там у нее ребенок, по возвращении сразу, родился. Рыжий! Как ихний бухгалтер во Френчглене. Тьфу.

А Френч на земле остался. Лошадки у него там. Вакерос. За воду споры. На праздники детям доллары раздавать серебряные. Там еще помнят его, кто долго живет.

И вот как-то поехал он, под Christmas как раз, до круглого своего амбара. Круглый амбар это здоровый такой манеж, спиральный. Если дословно переводить – для обламывания лошадей место. Когда лошадь дикую стреножишь, сразу ее в амбар. И там по большому кругу проводишь. Потом по среднему, потом по малым. На самом малом уже взнуздать можно. Бывали такие лошадки, из местных, которых по четыре раза большим кругом водили.

И вот подъезжает Френч к амбару. В это время из кустов вышел позор местного общества Оливер вместе со своей лошадью. У них той весной еще разногласия с Френчем случились, насчет правильной линии забора. Так что Оливер теперь икнул и натравил тут же лошадь на Френча. А Френч ему заехал немного бичом. А Оливер вынул пушку и бахнул Френчу в спину.

Весной суд был, в Бернсе. Судья постановил самооброну. Гуляй, рванина. А все-таки через год догнали перца. Партизаны вроде, из местных.

Вот же дура она, со своим рыжим.